

А. В. Черных
**КОЧЕВОЕ ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
 ЦЫГАН-КЭЛДЭРАРОВ РОССИИ***

УДК 397

ББК 63.5(=522.4)

В статье на основе полевого этнографического материала рассматриваются особенности мобильности цыган-кэлдэраров России в XX в. Цыган-кэлдэраров можно отнести к сезонным кочевым группам ремесленников среди оседлого земледельческого населения. Именно в таком виде номадизм был в целом характерен для группы и был принесен кэлдэрарами таборами при переселении в Россию. На протяжении XX столетия он пережил существенные трансформации, приобретая в каждый из исторических периодов разные формы — отказ от передвижения в повозках, поездки на поездах, проживание в течение нескольких лет на одном месте. Главным для цыган-кэлдэраров было ремесло: оно во многом определяло развитие группы и мобильность цыганских таборов, оставаясь стержневым компонентом их занятий до настоящего времени. Политика государства в отношении цыган, как и другие политические, идеологические, военные и прочие события страны, влияли на цыганскую мобильность, заставляли адаптироваться к новым законам, правилам и условиям в государстве проживания. История этих процессов представлена и на локальном уровне, что отражают материалы одной из родовых общин кэлдэраров — *рувони*. «Кочевой» текст сегодня остался не только в воспоминаниях старшего поколения информаторов, он отражен в особой кочевой ментальности, проявляется в современной цыганской мобильности и готовности «к дороге», к смене места жительства. Представления о кочевых традициях сохраняются как символ цыганского образа жизни, выступают важным элементом цыганской идентичности.

Ключевые слова: *цыгане-кэлдэрары России, история цыган в XX в., кочевые традиции, мобильность, традиционная культура цыган*

Представления о цыганах как «кочевом» народе поддерживаются не столько реальным опытом наблюдений над цыганскими таборами, сколько образом народа, сложившимся не только на основе кочевого прошлого некоторых цыганских групп, но и под влиянием художественной литературы и фильмографии. В научной литературе также устойчивым является мнение о цыганах как о кочевниках. И хотя среди многообразия цыганских этногрупп далеко не все были кочевыми, а к настоящему времени значительная часть кочевых в прошлом цыган перешла к оседлости, стереотипы в отношении цыган продолжают сохраняться.¹

¹ См.: Бессонов Н. Миф о «кочевом племени». URL: <http://gypsy-life.net/mif-17.htm> (дата обращения: 25.12.2016); Марушиакова Е., Попов В. Циганите в Османската империя. София, 2000. С. 44–46, 51, 63, 76, 81, 82; Они же. Преходът от чергарствование към усядане // Христоматия по ромска култура. София, 2004. С. 18, 19.

Черных Александр Васильевич — чл.-корр. РАН, зав. сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)
 E-mail: atschernych@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-11-59002) «Цыганские общины Урала: история, традиционная культура, этнические процессы» (рук. А. В. Черных)

Каким же было реальное «кочевое» прошлое отдельных групп российских цыган? Что значит «кочевье по-цыгански»? Насколько сегодня мобильны цыганские общины? Ответы на эти вопросы можно получить при обращении к истории и этнографии отдельных цыганских общин — таборов. Материалы на локальном уровне раскрывают как особенности и механизмы цыганской мобильности, так и динамику миграций, кочевые традиции в прошлом и настоящем.

Полевые исследования последних 15 лет в таборе цыган-кэлдэраров группы молдовая города Перми, принадлежащих к родовой группе *рувони* (от *рув* «волк»), позволили собрать разнообразные этнографические материалы, в том числе и об особенностях цыганских кочевых традиций. Они и послужили основой настоящего исследования, характеризующего одну из локальных групп цыган-кэлдэраров и особенности ее передвижений в XX в.²

Цыгане-кэлдэрары сегодня активно пользуются русскими словами «кочевой» и «кочевать» при рассказах о своем прошлом, о переездах

² См. о традициях данной группы: Черных А. В. Пермские цыгане: очерки этнографии цыганского табора. Пермь, 2003.

табора («Мы раньше всё кочевали, везде ездили. А сейчас живем на одном месте...»). Однако русским словом «кочевать» обычно переводят несколько цыганских выражений: «*вон пхирэнас урдонэнца*» (букв. «они ходили с телегами»), «*вон пхирэнас цэрэнца*» (букв. «они ходили с палатками»)³. И хотя в обоих случаях номинация «кочевать» использует реалии кочевого быта (традиционную повозку — *урдон*; традиционное жилище, т. е. шатер-палатку, — *цэра*), в этих терминах отражены разные по времени стадии цыганской кочевой жизни — более ранний (когда цыгане-кэлдэары «ходили с телегами») и более поздний (когда «ходили с палатками»).

Пхирэнас урдонэнца («ходили с телегами»)

Прошло уже около 100 лет, как табор *рувони* отказался от коней, телег и повозок. Рассказывая историю родовой группы *рувони*, старики отмечали, что уже в 1920-е гг. в таборе не было коней и что на повозках они не кочевали. Один из старейших информаторов-мужчин вспоминал: «Я не кочевал, мне уже не пришлось. С 1925 г. коней уже не было» (Л. Жуков, 1933 г. р.). Для мужской части табора кочевание на лошадях, о котором они прекрасно осведомлены, известно лишь по рассказам стариков, а образы «кочевой жизни» с повозками часто формируются по художественным фильмам.

Отдельные родовые группы цыган-кэлдэаров еще и в середине XX в. «ходили с телегами». О кочевой жизни в таборе вспоминают старые цыганки. Они не принадлежали к роду *рувони*, а были сосватаны из других цыганских родов, поэтому некоторые из них в детстве еще кочевали с конями и на телегах и помнят особенности такого кочевого быта. Их рассказы актуализируют «кочевую тематику» молодого поколения.

Цыганское слово *урдон* обозначает любую запряженную повозку, которую часто по-русски сами цыгане именуют по-разному — телегой, бричкой, кибиткой. Обычно они покупали их у соседнего оседлого населения, как и конскую сбрую. Самостоятельно цыгане лишь ремонтировали упряжь и транспортные средства. Не ставя задачей дать подробную характеристику материальной культуры, связанной с цыганским кочевьем, приведем лишь одно из полевых этнографических описаний: «Наш

урдон большой был, и длинный, и широкий. Русская телега маленькая была. Там все наши вещи, там и дети, там и все. И поехали. Бока большие, высокие у урдона. Когда дождик пошел, ездили по дороге, берем палатку и закрываем. Женщина не сидела на урдоне, помоложе — не сидели, пешком пошли за урдон сзади.⁴ А которые старые, пожилые, залезали на урдон, не могли идти. У нас нельзя было, чтобы женщина на урдон, нехорошо. Вообще нельзя. Ездили же недалеко, километров по 10–15. Отдыхали по дороге, самовар делали, пили чай, покушали, опять едем. Доехали до другая деревня, там жили одна неделя, два неделя, месяц. Гадаем, собираем, в другую пойдем... Когда две лошади — две запрягали, когда одна — на одну запрягём» (Станеску Попуша, 1942 г. р., из рода *эвулони*).

Существовали и определенные правила цыганской дороги. При переезде кибитки двигались друг за другом. Обычно кто-то ехал в кибитке, кто-то шел. При этом принято было идти слева и справа от кибиток («Если идут пешие, то обязательно должны идти и с той, и с другой стороны, и слева, и справа. Наблюдали за детьми. Ты свою сторону держишь, ты — свою, чтобы ребятишки не упали, чтобы что-то не потерять...»).

Среди старых обычаев — обычаем поливать водой дорогу перед тем, как отправиться в путь. Информатор описывает его так: «Брали ведро, и один мужчина старый пошел вперед, крестом поливал вода, чтобы наша дорога была хорошая, счастливая. Говорил: “Чтоб жили, чтоб ехали благополучно, чтоб доехали всё хорошо”».

Важное значение придавалось выбору места для остановки табора. Одним из главных условий при этом было, чтобы место обеспечивало возможность для мужчин заниматься ремеслом, для женщин — гаданием («Останавливались там, где было доходно»). Обычно выбирали место неподалеку от населенного пункта, от леса и реки.

Использование традиционных транспортных средств ограничивало в определенной степени мобильность. Ареал кочевания табора включал лишь несколько сотен километров в течение сезона. Воспоминания информаторов

³ См. также: Деметер Р. С., Деметер П. С. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэарский диалект). М., 1990. С. 130.

⁴ В цыгановедческой литературе достаточно подробно описана система табу пэкэлимбс, связанная с представлениями о нечистоте, «поганости» нижней части женского тела. См.: Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Цыгане. Происхождение и культура: социально-антропологическое исследование. М., 2009. С. 465–469.

о районах кочевания в первой половине XX в. помогают установить основные территории передвижения кэлдэрарских общин: они кочевали по территории Украины, Белоруссии и Центральной России.

Цыгане-кэлдэрары *рувони* достаточно рано отказались от лошадей, хотя ценность ее при кочевой жизни была высокой. Один из информаторов вспоминает: «Конь тогда был знаешь какой, главный член семьи. Сейчас Мерседес так не ценят, как коня тогда ценили». Так как главным для кэлдэраров было ремесло, оно во многом определяло развитие группы и остается стержневым компонентом занятий до настоящего времени. В этом цыгане-кэлдэрары отличаются от соседней этнографической группы русских цыган, главными занятиями которых были продажа и мена лошадей, пастьба скота, хозяйственные работы на лошадях. И хотя сегодня русские цыгане также осели, редкий табор не сохранил привязанность к лошадям: они есть у русских цыган как в сельской местности, так и в городах.⁵

Пхирэнас цэрэнца («ходили с палатками»)

Если от коней *рувони* отказались достаточно рано, то традиционное жилище — палатку *цэра* — использовали достаточно долго. Еще в 1980-е гг. раскинуть палатку было обычным делом. Однако в последние годы ее используют лишь в обряде отделения женатого сына от родительской семьи.

Палатка дает возможность лишь разместиться на новом месте, основным же «транспортным средством» кэлдэраров *рувони* с 1930-х гг. и на долгие годы становятся поезда и вагоны. Переезды от одного города до другого осуществлялись так: «...товарные вагоны выписывали. Присоединили к поезду, до такой-то станции, до такого города, Омск, Красноярск. А там доезжали, ставили вагоны в тупик». Товарные вагоны на десятилетия заменили цыганские кибитки. Цыгане оценили новый вид транспорта, который не только обеспечивал мобильность на огромных просторах СССР, но и снимал множество проблем, связанных с уходом за лошадьми, в частности с обеспечением их кормом. «Мы ко-

чевали на товарном поезде... На поездах даже лучше, легче, кормить не надо поезд, поить не надо...» — уже сегодня рассуждают цыгане.

Сформировались у *рувони* и «бытовые» правила длительных переездов из одного конца страны в другой. В товарных вагонах устанавливались печки-буржуйки, растапливались самовары. Информаторы вспоминают: «А готовить в товарном поезде, вы знаете, это нет проблем. Самовар, поезд идет товарный, люди смотрят... Вот остановимся на какой-нибудь станции, и вся вот эта рабочая станция, она сбегалась и смотрела на нас. Боже мой, там же цыгане едут. И мы там себе тоже зарабатывали. Мы на площадку. Сколько поезд стоит там — полчаса, час. Мы пошли танцевать, плясать. Нас там и накормят, и напоят, и ещё в дорогу с собой сало принесут бабы, картошку. А если там возле деревни поезд останавливается, вот там, ну, грузовая станция там где-то на территории деревни, так там вообще жизнь. Сразу мама пойдёт гадать, мы — танцевать и плясать. И сразу и картошку люди принесут, и сало, и мясо, и хлеб, и яички. Мы голодными никогда не ездили...» Нередко для переездов на незначительные расстояния — между соседними регионами — табор нанимал машины и автобусы.

Поезда существенно изменили и географию цыганских маршрутов. Появилась возможность быстро преодолевать большие расстояния, увеличилась амплитуда передвижений. Вот лишь один из примеров обычного переезда в 1970-е гг.: «Мы жили в Томске, поехали в Ворошиловград, потому что цыгане на одном месте не сидят, раньше так делали. Поехали, мой отец поехал к своему брату, он жил в Ворошиловграде, а мы жили в Томске. Надоела ему Сибирь, холодно. “Дай поеду, где мой брат, виноград растет”. Поехали в Ворошиловград, тогда так назывался город, сейчас на Луганск. Мы ездили на вагонах, товарняках. Товарники ставили печку, как военные, и вся семья, все хозяйство, все было рядом».

Переезды чаще всего совершались в летний период, чтобы цыгане могли устроиться к зиме на постоянное местожительство. По приезде на станцию табор обычно оставался на вокзале, а мужчины отправлялись в поисках места, где можно было бы раскинуть палатки. Один из информаторов вспоминает: «Вот они ездят, он ездит, мама с нами. Палатку брали, но мы не носили уже эти палки за собой, все на месте находили. Приехали на вокзал, как туземцы. Нас на вокзал занесут, покормят: “Сидите,

⁵ См.: Абраменко О. А. Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русская и лотфитка рома). СПб., 2006. С. 16, 17; Черных А. В., Вайман Д. И., Имайкина Е. А. Этносоциальные процессы в цыганских общинах Пермской области на современном этапе (по результатам этносоциологического исследования цыган Пермской области). Пермь, 2005. С. 15.

дети». Они берут такси. Если три семьи, значит, эти мужчины, старшие семьи. Поедут себе место искать за город. Понравилось тебе место на окраине или где. Так объездишь весь город, если приехали с утра. Если с вечера — мы ночевали на вокзале. Вот они автобус наймут, приедут за нами, мешки в руки и бегом. Загружаемся в автобус. Приезжаем, мешки скидываем свои, самовары, сумочки, ведра. Мы сваливаем все на траву. В лес идут рубить колья или по соседям. Палочку не найдешь, мне палатку надо растянуть. Всё — готова палатка, переезжай...» В новом городе табор останавливался на год или на несколько лет. В летний период обходились палатками, к зиме либо покупали дома, либо просились на постройку в пустые колхозные бараки, но уже обычной практикой стало строительство к зиме временных небольших утепленных домиков.

Так как цыганские таборы кэлдэрахов во второй половине XX в. стали по несколько лет проживать на одном месте, а некоторые таборы не меняли местожительство уже с 1950-х гг., это привело к значительному увеличению коммуникации внутри цыганского сообщества. Если в прошлом можно было надеяться только на случайную встречу с соседним табором на дорогах, то теперь можно было съездить в гости, сосватать невесту, приехать к родственникам на свадьбу. Сетевые связи внутри цыганского сообщества увеличились. Общественный транспорт — поезда, автобусы, самолеты — позволяли без труда преодолевать значительные расстояния и встречаться с родственниками и знакомыми.

Сезон лудильщиков

Кэлдэрахов относятся к числу тех цыганских групп, основным мужским занятием которых было ремесло, традиционно — работа по металлу, прежде всего лужение. В XX в. к этому добавились и другие работы по металлу — изготовление бачков, сварка, ремонт металлических изделий и т. д.⁶ Занятие мужчин ремеслом и определяло цыганскую мобильность у кэлдэрахов.

Цыганское кочевье делилось на два сезона — летний и зимний. Весна, лето и осень — время, когда можно было жить в палатках и передвигаться на повозках. Цыгане называли это время «сезоном лудильщиков». В доре-

волюционной России лудильщики ориентировались в основном на личное хозяйство: они ремонтировали ведра, баки и другую металлическую посуду, лудили котлы, чинили самовары. Летняя мобильность таборов позволяла объезжать села и деревни в поисках работы и клиентов. В советское время заказчиками чаще всего становились колхозы, совхозы, другие предприятия, преимущественно легкой промышленности, хлебозаводы, мясокомбинаты, столовые. Лужением посуды кэлдэрахов продолжали заниматься еще в 1980-е гг. Однако и в этот период сохранялась сезонность в выполнении работ, что было связано не только с большими возможностями для разъездов летом, но и с технологическими особенностями лужения, которое выполняли на открытом воздухе в теплое время года.

В зимний период передвижение цыган-кэлдэрахов ограничивалось. Вот одно из высказываний информаторов: «Летом ездили, на зиму останавливались где-то, покупали в деревнях дома. В 1930-е гг. в деревнях дома были пустые, голод... Занимались жестяными работами, коней ковали...» Такая сезонность в передвижении отмечается и у других кочевых групп цыган России и Европы и является их характерной особенностью. Цикличность цыганского кочевания, деление годового цикла на два сезона — кочевой и оседлый — дает основания некоторым исследователям называть цыган «полукочевниками».⁷

В течение XX в. происходили определенные изменения во взаимосвязи передвижений общин цыган-кэлдэрахов и их традиционных занятий металлом. Уже в середине XX в. обычным был такой вариант передвижений для заработков: в зимний период община жила совместно, а на летний период группы родственников-мужчин вместе с семьями или отдельные семьи переезжали ближе к месту выполнения заказов. Информаторы отмечают эти перемены: «Мы кочевали уже как современная жизнь. Вот у нас дом, мы живем, у нас семья большая. Вот сезон лудильщиков начинается, и папа перебирался со всей семьей поближе к тем пунктам, к тем городам». Переезд же всей общиной в новый город происходил обычно весной или осенью.

С течением времени характер таких сезонных переездов изменился. Вот что об этом говорит представитель общины: «Теперь, если

⁶ См.: Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000.

⁷ См.: Абраменко О. А. Указ. соч. С. 14.

мне нужно где-то выполнять работу, я приезжаю не с семьей, как раньше, а еду один, заключаю договор, приезжаю, выполняю эту работу». Когда табор *рувони* осел в Перми, это стало обычной практикой: женщины и дети оставались в поселке, а мужские «артели» преимущественно в летний период совершали необходимые переезды.

*«Бог сказал кочевать,
так цыгане и кочуют!»*

Именно как предназначение, определенное свыше, интерпретируют свои кочевые традиции цыгане-кэлдэрары. Легенды о том, почему у цыган нет земли, почему цыгане кочуют, и сегодня актуальны в цыганских таборах. Например, в таборе *рувони* записаны такие нарративы:

«Есть легенда такая, что Бог им не дал земли. Бог, когда землю делил, забыл про цыган. И один цыган пошел к Богу со слезами на глазах и сказал: “Почему ты, Бог, так со мной поступил? Ты всем землю дал, а мне не дал.” То Бог сказал на это: “Я тебе дам ум, чтобы ты жил своим умом, хитростью. И чтобы этим добывал свой кусок хлеба. И весь мир будет у ног твоих. И ты будешь добывать свой кусок хлеба своим умом и хитростью, будешь выживать везде, куда бы ты ни пришел”» (С. Буцо, 1963 г. р.).

«А армянам Бог отдал последнюю землю... Армяне сказали: “Бог, извини, на коленях землю просили!” Армянам досталась земля каменная, но все равно досталась. Цыгане пришли: “Всем дал землю, а нам не дал!” Бог им сказал: “Что вы много гуляете, много пили, много гуляете, пили, гуляли, танцевали много, вот, так и остались без земли, остались!” Самые последние были цыгане. Он сказал: “Ничего не могу сделать, не хватило земли!” Обычно старики так говорили нашим дедам и отцам. А русским много дали: они выживут на холодах, работающий народ» (М. Буцо, 1963 г. р.).

Легенды о том, что Бог наделяет землей разные народы, характерны для цыганских сообществ: они фиксировались фольклористами и этнографами неоднократно.⁸ Этиологический сюжет этих легенд объясняет особенность цыган, «выделенность» их среди других народов. Отсутствие территории и государства (в ряде вариантов — отсутствие «земли») компенсируется наделянием цыган «умом и хитростью», предо-

ставлением им дорог в качестве их земли. Кочевой образ жизни был одной из символических границ, маркирующих сообщество цыган-кэлдэраров и других кочевых групп и отделяющих его от остального многонационального оседлого населения Юго-Восточной Европы и России.

Сегодня в пермском таборе воспоминания о кочевой жизни, о смене места для проживания характерны для старшего поколения. Часто они романтические, поскольку связаны с годами юности и молодости. «Вот живем на одном месте, а кочевать-то охота. Эх, мне бы сейчас коня да бричку! Не сидела бы я на месте, кочевала», — заявляет Замбила Кулай (1914 г. р.). В других случаях, сравнивая кочевание с современной жизнью, информаторы оценивают его как тяжелое время. «Ой, как плохо было кочевать. Наши бабки, наши деды ехали, мы тоже кочевали. Правильно. Приезжаешь в какой-то город, надо построить там себе палаточку. Дети плачут, дождь идет, везде мокро, сыро, понимаете как, они орут, кушать им надо...» — вспоминает Матаса Станеску (1931 г. р.).

Представления о кочевании составляют один из элементов цыганской идентичности в данной этнографической группе: они сохраняются как символ цыганского образа жизни. Рассуждения о том, что цыгане — народ кочевой и «не сидят на месте», характерны и для современных кэлдэраров, несмотря на то что последние 38 лет табор «стоит» в Перми и не собирается менять местожительство. Тем не менее информаторы заявляют: «Цыган никто не удержит. Цыгане с древнейших времен как были народ вольный, так и остались. Не заставишь цыгана, чтобы он жил на одном месте. Мы, цыгане, это не любим...»

*«Комсомольцы строят города,
чтоб цыганам выдали дома...»*

Так начинается одна из популярных цыганских песен 1960-х гг. о государственной политике СССР перевода цыган на оседлый образ жизни.⁹ Государственные меры по-разному сказывались на цыганских группах на разных территориях их проживания. Кэлдэрары рода *рувони* также не были изолированы от влияния данной политики.

⁸ См.: Друз Е., Гесслер А. Цыгане: очерки. М., 1990. С. 8, 9, 134, 135; Сказки и песни цыган России. М., 1987. С. 170–173.

⁹ См.: Бугай Н. Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012; Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 187–226; Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. Указ. соч. С. 96–213.

Рувони оседали дважды. Первый раз — в 1920-е гг., когда общину едва ли можно было назвать большим табором: просто небольшая группа родственников проживала в Москве. Память об этом периоде актуальна и сегодня. Информаторы вспоминают: «Наши *рувони* жили в Москве. Я где-то слышал — по Красной Пресне, Марьиной роща. Они жили нормально, работали. Тогда была возможность открывать, как сейчас кооперативы, а тогда были артели. Наш табор был, четыре брата, зять с ними, еще с ними были сэвулони, семей пятнадцать. Тогда это нормально было. Плюс дети. Семей тридцать набиралось. Они занимались лудой, делали жестяные работы, крыши, кузнечные работы. В Москву они переехали давно, по-моему. Они жили нормально в Москве, дома были двухэтажные». По мнению исследователей, создание цыганских промысловых артелей было одним из мероприятий, которые осуществляло государство в отношении цыган в этот период.¹⁰ Важные законодательные акты 1920-х гг., такие как Постановление ЦИК и СНК СССР от 1926 г. о содействии цыганам, желающим перейти к оседлому образу жизни, не были непосредственно связаны с событиями в жизни табора, поэтому не отразились в исторической памяти группы. Цыганские артели кэлдэраров в Москве, созданные в эпоху нэпа, активно функционировали всю первую половину 1930-х гг.

Вновь перейти к кочевому образу жизни москвичей-*рувони*, около десяти лет проживавших в столице, заставили репрессии 1930-х гг. Мужчины табора, четверо братьев и зять, были арестованы. Как свидетельствуют воспоминания стариков, жены пытались выкупить мужей таборным золотом, но эта попытка не увенчалась успехом. О дальнейшей судьбе репрессированных никто из родственников не знает. Еще и сегодня это событие в истории общины *рувони* рассматривают как самое большое потрясение XX в. Женщины принимают решение уехать из Москвы и вернуться к кочевой жизни. В Москву на жительство *рувони* больше никогда не возвращались.

В устной цыганской истории самым заметным для многих таборов событием, изменившим их привычную жизнь, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» и Постановление Совета

Министров РСФСР № 685 от 20 октября 1956 г. с одноименным названием. Хотя эти документы и создали определенные трудности для табора, *рувони* достаточно спокойно и быстро адаптировались к новой ситуации. Вот одно из свидетельств: «После указа мы перестали переезжать каждый год, два-три года жили в одном месте, потом меняли города. А потом стали ездить очень редко...»

В 1970-е гг. переезды табора из одного города в другой становились все реже и реже. В 1979 г. значительная часть рода *рувони* переехала в Пермь. В 2017 г. исполняется 38 лет проживания табора в одном городе.

География цыганской мобильности

Реконструировать географию кочевания цыганского табора всегда достаточно сложно, поскольку основным источником для таких реконструкций могут стать лишь устные свидетельства, в редких случаях подкрепленные документальными материалами.

Период Великой Отечественной войны заставил *рувони* отказаться от привычных маршрутов в Центральной России и осваивать Сибирь. Цыганские таборы России знали о зверствах фашистов в отношении цыган на оккупированной территории. Информаторы вспоминают: «Во время войны ездили на восток, в эту сторону, немцев боялись. Ездили на товарных вагонах, до Омска, Новосибирска, Красноярска. Потом переадресовку вагонов делали. На этих вагонах они ездили месяцами. Ездили — не работали. Только когда останавливались на месте, где можно было прожить месяц, два. Буржуйки были в вагонах. Ездили, и зимой приходилось. Но в основном зимой они жили в частных домах, на квартирах. Во время войны много домов, бараков было пустых».

В послевоенный период *рувони* остались в освоенной в период войны Сибири. Среди городов, где по несколько лет тогда проживал табор, Чита, Томск, Красноярск, Иркутск, Актыбинск. После нескольких лет проживания в Иркутске, табор в 1978 г. переезжает в Актыбинск и, перезимовав в этом городе, в 1979 г. отправляется на Урал, где обосновывается в Перми — последнем пункте в кочевой истории табора.

Определенные сведения о географии цыганских кочевий в прошлом и «широте» связей пермских *рувони* с другими таборами кэлдэраров России дает анализ мест рождений, отмеченных в официальных документах. При проведении переписи населения 2002 г. мы

¹⁰ См.: Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. Указ. соч. С. 209.

имели возможность получить информацию обо всех жителях табора. Из 221 цыгана, проживающего в микрорайоне «Чапаевский» города Перми, местом рождения указали Пермь 124 человека, именно те, кто родился после 1979 г.; остальные как место рождения отметили другие города: Иркутск (19 человек), Тюмень (8), Красноярск (4), Челябинск (4), Чита (4), Иваново (3), Киров (3), Кустанай (3), Ярославль (3), Брянск (2), Горький (2), Екатеринбург (2), Курган (2), Новгород (2), Оренбург (2), Томск (2), Тула (2), Владимир (1), Волгоград (1), Вологда (1), Самара (1), Липинск (1), Тамбов (1); а также Татарстан (2), Удмуртия (2), Алтайский край (1), Приморский край (1), Литва (1), Молдавия (7), Украина (8).

Рассматривая особенности мобильности цыган-кэлдэраров, мы используем номинацию «табор» для обозначения родовой патронимической группы — общины. Однако мобильность цыганских родовых общин не является линейной. Хотя родовая община и имеет крепкие патронимические связи, отдельные группы родственников и семьи могут выбирать свои траектории передвижений. Это видно и на примере общины *рувони*. В середине XX в. *рувони* долгое время кочевали вместе с другой родовой группой — *дэмони*. Сегодня таборы *дэмони* проживают в Ульяновске и Волгограде. Пермские *рувони* часто берут невест из этих таборов, а своих девушек отдают туда замуж. В «сибирский» период истории табора род *рувони* разделился на две группы родственников: одна из них продолжала проживать в Сибири, перемещаясь из города в город; другая уехала в районы Поволжья и Приуралья (среди последних городов проживания этой части родовой общины — Петропавловск, Челябинск, Казань, Киров). Сибирская часть *рувони*, как мы отмечали, переехала в Пермь в 1979 г. (последняя группа из Тюмени приехала в 1985 г.). Как отмечают старики, только в Перми род *рувони* собрался практически полностью, включив семьи, которые до этого проживали в разных городах. Пермский табор *рувони* — сегодня единственный «родовой» табор: в других городах проживают лишь отдельные семьи.

В 1980-е гг. семейные коллективы также временно отделялись от основного табора и избирали свои маршруты передвижений. Семья Кулай, например, какое-то время проживала в Прибалтике, в латвийском городе Резекне, а потом вновь соединилась с основным табором.

«Люди осели, больше никто не хочет
никуда кочевать»

В настоящее время большинство таборов кэлдэраров ведет оседлый образ жизни: они уже десятилетиями проживают в том или ином городе или пригороде. Оседание основной части таборов кэлдэраров произошло во второй половине XX в. Сегодня свои кэлдэрарские таборы и поселки имеет большинство крупных российских городов — Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Ижевск, Ульяновск, Рязань, Воронеж, Омск, Тюмень и др. При этом на Урале и в Сибири кэлдэрары живут в больших городах, а в Центральной России кэлдэрарские поселки можно встретить не только в областных центрах, но и в небольших городах и поселках. Сформировалась современная сеть расселения кэлдэраров России. Кочевых таборов, которые бы и в настоящее время «ходили с телегами», уже не осталось. Кэлдэрары отмечают: «Если бы кто-то кочевал, мы бы знали».

Однако и в настоящее время в цыганском кэлдэрарском сообществе России есть несколько небольших таборов, которые отличаются мобильностью. К ним относится, в частности, табор рода *сэвулони*. М. Петрович сообщает о них: «Максимум три, ну четыре, года, не больше, проживают они в одном месте — и опять в дорогу».¹¹ Такой же мобильностью отличается табор рода *бурикони*. Двадцатилетняя Илана из этого табора, выданная замуж в табор пермских *рувони*, долго не могла привыкнуть к тому, что те давно не переезжают. Она рассказывает: «Я хочу переезжать. Когда я вышла замуж, мне первое время скучно было. <...> Маме, ну, свекрухе говорю: “Почему вы не уезжаете, че-то неправильно, не едете никуда”. Она говорит: “Лет 15 уже живем”. — “Как! 15 лет!?” — “Да”. — “Давайте уедем куда-нибудь!” — “Ты чё, — говорит, — с ума сошла»». Илана родилась в Новокузнецке и ко времени замужества сменила более десятка городов. Она вспоминает: «Целиноград. Из Целинограда я уехала с родителями в Воронеж. Из Воронежа мы потом уехали в Нижний Новгород. Из Нижнего Новгорода мы уехали в Иваново. Из Иванова мы уехали в Ташкент. Из Ташкента мы уехали в Уфу. Из Уфы уехали тоже куда-то в город. Потом мы уехали в Ригу. Из Риги мы ехали опять в Казань. Из Казани мы приехали сюда, в Пермь. Но где-то городов, наверно, 10–12 я сама ездила. У нас традиция, у моих,

¹¹ См.: Петрович М. Цыганское племя сапоррони. СПб., 2007. С. 307.

как кочевали раньше, так они сейчас и кочуют, они не сидят в одном городе лет 6–7, ну, минимум, 2–3 года. Человек 20, наверно, семей». Эти немногочисленные уже таборы выделяются на остальном пространстве расселения цыган-кэлдэраров России: они сохранили ту цыганскую мобильность, которая была присуща таборам кэлдэраров несколько десятилетий назад.

Для большинства цыганских таборов сегодня переезд — не реальная история, а осознание возможности сменить местожительство. Рассуждения о том, что «в случае чего» цыганский табор всегда может собраться и поискать новый город для жительства, еще можно услышать и сегодня: «Цыгане были народ вольный. Не заставишь цыгана, чтобы он жил на месте. Мы, цыгане, это не любим. Двадцать лет живем и всё равно думаем, куда переехать...» Но в реальность такого переезда верят немногие.

Что сегодня может заставить цыганский табор сменить город проживания? Экономические условия не играют уже первостепенной и такой же существенной роли, как в прошлом. Разные цыганские общины, проживая в крупных городах — областных, краевых и республиканских центрах, имеют сходные возможности для ведения бизнеса. Тем не менее поиск новых мест заработка может стать одной из причин переезда. «Не очень заработки шли там у них», — можно услышать от цыган, когда они рассуждают о том, почему тот или иной табор сменил место проживания в настоящее время. Причиной смены места жительства может быть и несчастный случай, однако обычно этот мотив характерен для небольших мобильных таборов. Вот что об этом говорят информаторы: «Традиция такая, че-то им не понравится, они уезжают. Как в Казани, мой отец туда приехал, дед у него там погиб, он уезжает в другой город. В другом городе бабушка погибла, всё, значит, этот город плохой. Вот так, всякие приметы у них, из-за этого они всё кочуют». Более веской причиной переезда могут быть конфликтные ситуации как внутри общины, так и с внешним окружением.

Однако для смены города нужны и многие другие условия. Город должен быть «пустым»: в нем не должны проживать представители другого табора кэлдэраров, так как в этом случае необходимо разрешение этого табора на переезд. «Пустых» городов немного. Например, на Урале таким считается Оренбург, однако этот город кэлдэрары считают «плохим»,

и таборы там надолго не задерживаются. Получить же разрешение на переезд от табора, давно обосновавшегося в городе, почти невозможно: обычно другие общины соглашаются на переезд лишь небольших групп или нескольких семей, поскольку в противном случае возникает серьезная конкуренция.

Даже при необходимости переезда табор остается в городе, но переселяется в другой район. Такие внутренние передвижения в городском пространстве характерны и для Перми. До середины 2000-х гг. основными местами расселения пермских *рувони* были два микрорайона Орджоникидзевского района — «Чапаевский» и «Январский». В 2007–2008 гг. из микрорайона «Январский» семьи переехали в другие части города. Сегодня цыганские дома стоят в трех микрорайонах — в «Чапаевском», «Камском» и «Язовая».

Внутренняя мобильность до сих пор характеризует цыганские общины. Так, значительную часть невест для своих сыновей *рувони* по-прежнему берут в других городах, как и отдают своих девушек в другие таборы. Переезжают отдельные семьи: одни из Перми перебираются к родственникам в Тулу, Воронеж, Казань, Ульяновск; другие — приезжают в Пермь. Такие изменения в большом таборе происходят постоянно. Мобильность, как мы отмечали, определяет и современную мужскую занятость *рувони*: поездки по другим российским городам и регионам для многих составляют основу их бизнеса.

Подводя итоги, следует отметить, что цыган-кэлдэраров можно отнести к сезонным кочевым группам ремесленников среди оседлого земледельческого населения. Именно в таком виде номадизм был характерен в целом для группы и принесен кэлдэрарскими таборами при переселении в Россию. На протяжении XIX столетия он пережил существенные трансформации, приобретая в каждый из исторических периодов новые формы. В конечном итоге целый комплекс причин привел к оседанию таборов. «Кочевой» текст сегодня существует не только в воспоминаниях старшего поколения информаторов, он отражен в особой кочевой ментальности, в готовности «к дороге», проявляется в современной цыганской мобильности и готовности к смене места жительства. И сегодня, отправляясь в дальнюю дорогу, *рувони* так же, как и прежде, льют воду перед машиной, «чтобы ехали благополучно»...

Alexander V. Chernykh

Member of the RAS, Perm Research Center Ural Branch of the RAS (Russia, Perm)

E-mail: atschernykh@yandex.ru

NOMADIC PAST AND MODERN MOBILITY OF THE ROMA KALDERAR IN RUSSIA

The article based on ethnographic field material deals with the characteristics of the Roma Kalderar mobility in Russia in the 20th century. The Roma Kalderar can be described as the seasonal nomadic craftsmen groups within the mostly sedentary agrarian population. In was this type of nomadism that was characteristic for the group. This way of life was inherited from the Kalderar tribes which immigrated to Russia in the past. It changed a lot during the 20th century undergoing various transformations during each of the historical periods — abandonment of traveling in wagons practice, travel by trains, sedentary life in one place for several years in succession. In the end for a number of reasons these developments led to the settlement of the groups. The principal occupation of the Roma Kalderar was trade: in many respects it was the key element of the group's development and mobility, remaining their main occupation to this day. The government policy with regard to the Roma as well as other political, ideological, military and other events in the country had a great impact on the Roma mobility forcing them to adjust to new laws, rules and conditions in the countries of residence. The history of these processes was studied also at the local level using one of the Kalderar clan communities — the *Ruvoni*. The “nomadic” text today can be found not only in the recollections of the older generation, it is also reflected in the specific ‘nomadic’ mentality, readiness to hit the road at any time, it found its expression in the modern Roma mobility and readiness to start life anew in a new place. The ideas of nomadic traditions are preserved as a symbol of the Roma way of life and the key element of the Roma identity.

Keywords: *Kalderar Roma in Russia, history of the Roma in the 20th century, nomadic traditions, mobility, traditional culture of the Roma*

REFERENCES

- Abramenko O. A. *Ocherki yazyka i kultury tsygan Severo-Zapad Rossii* [Essays on the language and culture of Roma in the North-West of Russia]. Saint Petersburg: Anima Publ., 2006, 288 p. (in Russ.).
- Bessonov N. *Mif o «kochevom plemeni»* [The myth of the “nomadic tribe”]. Available at: <http://gypsy-life.net/mif-17.htm> (accessed 25.12.2016). (in Russ.).
- Bugay N. F. *Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiya, konsensus (1900–2010)* [Gypsies of Russia: Society, Adaptation, Consensus (1900–2010)]. Moscow: Kuchkovo pole; Lavandr Publ., 2012, 352 p. (in Russ.).
- Chernykh A. V. *Permskie tsygane: ocherki etnografii tsyganskogo tabora* [Perm Gypsies: essays on the ethnography of the Gypsy camp]. Perm: PGU Publ., 2003, 60 p. (in Russ.).
- Chernykh A. V., Vayman D. I., Imaykina E. A. *Etnosotsialnye protsessy v tsyganskikh obshchinakh Permskoy oblasti na sovremennom etape (po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo issledovaniya tsygan Permskoy oblasti)* [Ethno-social processes in the Gypsies communities of the Perm region at the present stage (based on the results of the ethnosociological study of Gypsies in the Perm Region)]. Perm: PONITsAA Publ., 2005, 52 p. (in Russ.).
- Demeter N., Bessonov N., Kutenkov V. *Istoriya tsygan — novyy vzglyad* [History of the Gypsies — a new look]. Voronezh: IPF “Voronezh”, 2000, 336 p. (in Russ.).
- Druts E., Gessler A. *Tsygane: ocherki* [Gypsies: essays]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1990, 331 p. (in Russ.).
- Kilin A. P. [The policy of transferring Roma to sedentary lifestyles: problems of implementation (1926–1937)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost* [Document. Archive. History. Modernity], 2005, iss. 5, pp. 187–226. (in Russ.).
- Marushiakova Ye., Popov V. *Преходът от чергарствование към усядане* [The transition from chergarstvovane to sedentary]. *Христоматия по ромска култура* [Reader of Gypsy culture]. Sofia: Iktus-Print Publ., 2004, pp. 9–22. (in Bulgarian).
- Marushiakova Ye., Popov V. *Циганите в Османската империя* [Gypsies in the Ottoman Empire]. Sofia: Център за циганоложки изследвания Publ., 2000, 116 p. (in Bulgarian).
- Petrovich M. *Tsyganskoe pletya saporrioni* [Gypsy Saporrioni tribe]. Saint Petersburg: Anima Publ., 2007, 536 p. (in Russ.).
- Smirnova-Seslavinskaya M. V., Tsvetkov G. N. *Tsygane. Proiskhozhdenie i kultura: sotsialno-antropologicheskoe issledovanie* [Gypsies. Origin and culture: socio-anthropological research]. Moscow: Paradigma Publ., 2009, 830 p. (in Russ.).